

ЕСТЬ ГОРОД, КОТОРЫЙ Я ВИЖУ ВО СНЕ

Запнувшись изувеченной ногой за дверь тамбура, Вагаршак вышел из вагона. Глазами окинул небольшое деревянное здание с вывеской «станция Кунара». Пока он лежал в госпитале после тяжелого ранения, полученного в бою за Сапун-гору под Севастополем, его семью вместе с другими армянами, жившими в Крыму в селе Айкашен, за два часа без объяснения причин, неожиданно депортировали сюда, в город Сухой Лог. Перед ним опять, в который раз за день, возникли холодные глаза особиста за толстыми стёклами очков: «Вы лично можете вернуться в свой дом». «За что? – сжав кулаки, только и смог выдохнуть Вагаршак. – «За пособничество германской армии!» – «Что за бред? Мать с пятерыми малыми детьми! Какое пособничество?» – «Не забываетесь! Вы находитесь в Особом отделе! Всё, разговор окончен!»

По шпалам шёл, сбиваясь на каждом третьем шаге, не Вагаршак и вообще не человек, а сгусток жесточайшей обиды, нервов, такой сердечной боли, что казалось: ещё шаг – и тебя не будет. Нашёл своих в захудалом бараке, в маленькой комнатухе. Помнит, как жались к его коленям подростки за три года дети, как перебирали с гордостью в глазах его медали и как обнимала, гладила обожженное немецким огнём его лицо жена Петроня. И как рассказывала страшную историю о выселении, о том, как везли их на машинах под охраной солдат, словно каких-то преступников, а следом за уезжающими хозяевами неслись собаки, пока не выдохлись совсем и не стали по очереди падать на пыльную грунтовку. И душераздирающий крик соседки Хайгуи: «Если сердце у вас есть, застрелите вон ту, беленькую! Это наша!» И про то, что здесь, в этом городе, есть люди, которые называют их предателями и фашистами... Про необходимость постоянно отмечаться в комендатуре в доказательство того, что они здесь, никуда не сбежали... Про двух соседских парней, решивших съездить в Свердловск, посмотреть на трамваи, которых никогда не видели, на высокие здания. Получили десять лет лагерей за нарушение режима. Матери каждый день ревут рёвом...

Долго горел свет в их каморке. А утром мой будущий муж, тогда восьмилетний мальчик, проснувшись, не узнал отца: он поседел за одну ночь.

Так в истории Сухого Лога летом 1944 года появились новые люди. Армяне. Нельзя сказать, что отношения между местными и переселенцами наладились сразу. Но конец взаимному недоверию, отчуждённому порою взглядам положил великий день – День Победы, 9 Мая. Пел и плясал весь город. Музыка лилась из всех окон. И бараки, где в то время жили не только ссыльные армяне, но и русские, татары, тоже праздновали Победу.

– А вы что радуетесь? Вы же под немцами жили и не тужили? – раздались вдруг чьи-то голоса, обращённые к ликующим армянам. И в ту же секунду горячие армянские парни бросились на обидчиков. Завязалась жестокая драка. Даже женщины не остались в стороне: выдёргивая кольца из заборчиков, ограждающих небольшие огородики, примыкающие к баракам, протягивали своим. Вот уже и пролилась первая кровь. И вдруг всё остановилось. Замерло. Словно внезапно порвавшаяся киноплёнка в зале.

– Старшина, ты?! Живой? – и ответное: «Андрюха, братан! Ё-моё!» – русоволосый, голубоглазый молодой человек, раскидывая в сторону участников драки, бросился к Андрею Овагьяну. И тот – навстречу ему. Обнялись до хруста костей. Звенели награды на груди у обоих в этом яростном мужском объятии: у каждого на груди одинаковые медали: «За Отвагу», «За боевые заслуги» и «За оборону Сталинграда». Вот так неожиданно произошла встреча боевых однополчан, разведчиков: русского старшины Нечаева и армянина, сержанта Овагьяна. И полетели в сторону кольца. Неожиданно для себя люди мигом составили прямо на улице столы, сели, не разбирая, кто оказался рядом, наполнили стаканы и выпили за нашу общую Победу, за Сталина и за всех своих друзей и товарищей, независимо от национальности, живых и оставшихся на поле боя навечно. И с этого времени завязалась между переселенцами и местными самая настоящая дружба. Армяне оказались умеющими по-настоящему дружить, а также добрым, трудолюбивым народом. От них сухоложане научились выращивать на своих огородах сорго для веников, баклажаны, перцы, кабачки и другие, диковинные в ту пору для уральцев, овощи. Дети вместе учились в школах, занимались спортом, бегали в эстафетах. Не потерялись в этой жизни ставшие сухоложанами наши крымчане. Город по доброму русскому обычаю принял их, униженных и оскорблённых людей, под своё крыло. Жили трудно. Одни валенки на двоих, вместо масла – олифа. Но выучились, многие стали известными людьми в городе и за его пределами: есть среди них и юристы, и даже директора заводов. Создали семьи, и в основном – русско-армянские.

Не обошла такая судьба и меня. Выйдя замуж за молодого парня с красивым именем Тигран, которого все называли попросту Дима, я ни разу об этом не пожалела и прожила в счастье и радости 55 лет. Родили красавца сыночка: наполовину русского, наполовину армянина. Но так случилось, что в 1971 году нам пришлось переехать в город Красноярск. Теперь наш сын, внук Вагаршака, с которого начала я свой рассказ – известный не только в крае, но и во всей России микрохирург. Многие операции, проведённые им, значатся под грифом: «Впервые в крае». В 29-летнем возрасте, став заведующим отделением микрохирургии в Краевой больнице, он провёл человеку реплантацию полностью отрубленной производственной гильотиной кисти руки. Ранее с такой травмой пациентов отправляли в Москву. Впервые девушке, дожившей до 18-летия с отсутствующими фалангами пальцев на руках, от которой при рождении отказались родители, восстановил пальчики, «перенеся» по две фаланги с ног на руки. Как же радовалась бабушка, воспитывающая внучку, глядя, как та впервые в жизни чистит картошку и крутит маховик швейной машинки.

И как радовался тот охотник, на которого напал в тайге медведь, изуродовав ему лицо, когда Вадим заново «пришил» ему новый нос: радовался тому, что сейчас никто с ужасом не бросает взгляды на его покрытое шрамами лицо, где вместо носа только две неприглядные рваные дырочки.

Недавно мне пришлось прочитать письмо, адресованное моему сыну.

Уважаемый Вадим Тигранович! Мне трудно найти слова благодарности за то творение и чудо, которое Вы совершили. В 2008 году мне удалили молочную железу. Душевно я была сломлена, раздавлена. Около года назад случайно из разных мест услышала, что в Красноярске есть хороший микрохирург, талантливый, внимательный, делает операции и нам, простым смертным. И я пришла к Вам на прием, не бизнес-леди, нет, просто пациентка «с улицы». И Вы так внимательно ко мне отнеслись, не сказали: «Зачем тебе, «тётке», в 50 лет операция?». Вы предложили мне сделать реконструкцию молочной железы из собственных тканей моего тела. Вадим Тигранович! Вы – хирург от бога и настоящий кудесник. Когда в палате я очнулась от наркоза (операция шла около десяти часов), увидела, что Вы, уставший, измученный, пытаетесь настроить мою функциональную кровать, чтобы мне удобно было лежать. А это ведь совсем не Ваше дело. По несколько раз в день, и поздно вечером, когда

больница затихала, готовясь ко сну, и даже в выходные дни, Вы заходили ко мне и интересовались моим состоянием. А ведь я у Вас не одна... У меня сложилось впечатление, что Вы домой вообще не уходите.

Вы напомнили мне скульптора, который создаёт хрупкое изваяние, и сам получает от этого удовольствие. Когда я встала после операции и подошла к зеркалу – я заплакала, но это были уже слёзы счастья. Смотрела на свою новую грудь и удивлялась: она ничем не отличалась от прежней. Даже сосочек Вы оформили так художественно, что он стал, как настоящий. Вы подарили мне силы, уверенность, лишили депрессии. Хотелось прыгать, смеяться и кричать на весь мир: «Смотрите все, это я, Оля, прежняя, возрождённая к жизни благодаря моему замечательному доктору! Спасибо Вам, Вадим Тигранович, за Ваши чудесные, талантливые руки, за Вашу душу! С низким поклоном и уважением – Ольга Савушкина.

Читаю и плачу. И нисколько не хвастаюсь. А ругаю себя на чём свет стоит за то, что способствовала сыну стать врачом. Тяжелейшие десятичасовые внеплановые операции проходят, как правило, ночью. А утром начинается новый рабочий день. Работа на износ не могла не вылиться в спазм сосудов головного мозга, госпитализацию прямо с рабочего места, проблемы с позвоночником, раннюю седину. Когда завожу разговор о смене профессии, ответ один: «Моя работа – это моя жизнь...»

Молодой питерский режиссёр Константин Селин снял документальный фильм о вашем земляке под названием «Верните мои руки». Фильм получил главную премию среди неигрового кино в России и в Аргентине, а также был отобран на кинофестиваль в США, в Филадельфию. На презентации фильма в Выборге кто-то из зала спросил сына: «Где Вы родились? Наверное, в Москве?» А сын ответил: «Нет, есть такой город на нашей планете и имя ему – «Сухой Лог». Это на Урале. Там мои корни. Оттуда ушёл на фронт мой русский дедушка Василий Петрович Соколов, погибший под Ржевом. Туда вернулся к депортированной из Крыма семье после тяжёлого ранения мой второй дед – армянин Вагаршак Диранович Кеосьян. Там встретились и полюбили друг друга мои мама и папа. Там я пошёл в детский сад. Помню Сталинскую школу, где учились мои родители. Помню своих дорогих дядюшек Самсона Вагаршаковича и Степана, которых с нами сейчас, к сожалению, уже нет. Держу постоянную связь с двоюродными братьями и сестрами, живущими в Сухом Логу и Екатеринбурге. И, если честно, жалею, что мы уехали с Урала.

– Какой город Вам роднее? Ведь в Вашем Сухом Логу Вы прожили всего шесть лет, а в Красноярске уже почти полвека? – рыжеволосая девушка, улыбаясь, ждала ответа.

– Наверное, всё-таки тот город, где я родился. Для моей души мой дом – там.

Как быстро пролетело время... Словно вчера возила своего сыночка в сиреневых ползунках в простенькой советской коляске по нашему главному тогда проспекту – улице Победы, а он, будущий Заслуженный врач Российской Федерации, разметавшись, спал спокойным детским сном, не ведая, что где-то есть огромный Красноярск, в котором ему, сухоложанину, предстоит жить и творить чудеса.